

**ОПИСАНИЯ РЕГИОНОВ
(НАМЕСТНИЧЕСТВ, ГУБЕРНИЙ) 1780–1790-х гг. —
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ? ***

На современном этапе развития исторической науки тематика социально-экономических исследований второй половины XVIII в. все чаще ограничивается территориально относительно небольшими административными единицами: одной или несколькими губерниями. Это связано с тем, что собрать однородные показатели для характеристики глубинных социально-экономических процессов на территории даже только Европейской России представляется делом чрезвычайно сложным, требующим усилий крупных исследовательских коллективов. Во второй половине XVIII в. было создано несколько групп источников, которые при аккуратном обращении и дополнении помогают представить общую картину физико-географического и социально-экономического положения России указанного периода. При этом если материалы генерального межевания давно известны и активно используются в исторических исследованиях, то топографические описания регионов¹ постигла иная участь. Созданные во второй половине XVIII в., внутренне связанные с межеванием, содержащие ответы на широкий спектр вопросов о каждой губернии, они до сих пор очень мало используются исследователями не только для постановки проблем в общероссийском масштабе, но даже и для отдельных губерний.

Историография изучения топографических описаний на данный момент незначительна. В наиболее полном варианте она приведена в работе В. А. Сергеева, которая, насколько нам известно, является на сегодняшний момент последним крупным исследованием по указанной теме².

В изучении топографических описаний можно наблюдать два всплеска. В 1950–60-х гг. был создан целый комплекс работ по данной теме, дана характеристика источника, разработаны основные подходы к его изучению³. Исследование рассматриваемых документов до и после этого периода посвящено либо отдельным вопросам по всему комплексу топографических описаний, либо отдельным топографическим описаниям⁴, но уже без соответствующего концептуального осмысления. В настоящее время интерес к этим источникам стал возрождаться, вновь появляются статьи исследователей как в России⁵, так и за рубежом⁶.

К настоящему моменту сложилось устойчивое представление о топографических описаниях как историческом источнике. Представления, не вызывающие споров, можно сформулировать следующим образом.

Топографические описания 1780–1790-х гг. — это отдельный самостоятельный комплекс источников, который был составлен в одно время и по единой анкете, что определяет его исключительную ценность.

История непосредственного происхождения топографических описаний остается неясной, «хотя ведомственное происхождение анкеты для составления описания можно считать установленным», ее выработка и рассылка на места относится к 1783 г.⁷ В работе А. А. Севастьяновой она так и называется: «типовая» анкета 1783 г.⁸

Анкета для топографического описания отражает практические экономические цели современников, направленные на выявление и мобилизацию материальных ресурсов⁹. Данный источник содержит богатейший материал о физико-географическом и экономическом состоянии страны, как сельскохозяйственном, так и промышленном. Особое развитие получило использование топографических описаний при изучении проблем развития сельского хозяйства¹⁰.

Топографические описания являются важным источником «развития исторической мысли»¹¹. А. А. Севастьянова провела подробный анализ этого компонента топографических описаний. «Описания второй половины XVIII в. отразили переломный момент работы над источником в историографии. Во-первых, авторы описаний на местах легко включали в своей работы “новые” источники: фольклор и его записи, эпиграфику, местные летописцы. Во-вторых, при отсутствии самого понятия “критика источников” в этих описаниях присутствует постановка задачи критического изучения источников...»¹². Впоследствии это направление получило освещение в работах В. А. Сергеева и М. Е. Колесниковой¹³.

Топографические описания являются очень ценным историко-этнографическим источником¹⁴.

Историографический спор о составителях описаний фактически привел к тому, что часть информации, приводимой в описаниях, не используется по сей день. Предположение Н. Л. Рубинштейна об основных составителях как губернских и уездных землемерах¹⁵ было подвергнуто критике уже несколько лет спустя. А. В. Эммаусский говорил, что «материалы вятских описаний показывают, что они составлялись не землемерами, а чиновниками губернского правления на основании сведений, представленных аппаратом губернских и уездных учреждений, в том числе и землемерами»¹⁶. Наверно, столь категоричное утверждение тоже не соответствует истине, потому что описаний было много и встречались исключительные варианты¹⁷. Сейчас утвердилось мнение Л. В. Милова о том, что топографические описания составлялись «комбинированным» способом через запросы в местные учреждения¹⁸.

Вопрос о составителях тесно связан с вопросом о достоверности приводимых сведений. Н. Л. Рубинштейн неявно сформулировал мысль, что соста-

вители других экономических описаний — местные чиновники — не могли обеспечить необходимую долю надежности сведений¹⁹, поэтому и ценность сведений камеральной части топографических описаний ставилась под сомнение. Потом эта мысль была выражена уже в явной форме: «Правда, самый характер описаний, составленных силами бюрократического аппарата, заставляет относиться к ним критически, поскольку чиновники губернского правления, казенной палаты, магистратов, нижних земских судов и прочих учреждений во многих случаях давали неполные и искаженные данные, стараясь выслужиться перед вышестоящим начальством и нарисовать картину благополучия и процветания наместничества»²⁰. В данном случае существенным фактом является то, что авторы не приводят каких-либо убедительных доказательств в пользу этой точки зрения. Но фактически это устоявшееся мнение привело к тому, что информация о сельском хозяйстве и географии считается достаточно достоверной²¹, а о промышленном развитии — спорной. Хотя, на наш взгляд, данная установка связана скорее с общей негативной оценкой чиновничества, принятой в советской историографии, нежели с реальным положением дел. В любом случае необходимо проведение исследований, направленных на выяснение достоверности в первую очередь камеральных сведений.

Анализ историографической традиции показывает, что ряд очень перспективных идей не получил должного развития. Например, гипотеза Л. Н. Рубинштейна о востребованности описаний уже в момент их составления. «Показательно, что заинтересованные лица уже в XVIII в. знали о существовании рукописных топографических описаний и обращались к ним в случае надобности»²². В 2003 г. В. А. Сергеев высказал противоположную мысль, что «в момент своего создания это были служебные документы, о которых мало кто знал за пределами узкого круга чиновников, работавшего над их составлением и, возможно, местных любителей истории родного края»²³. Данное представление тесно связано с ответом на вопрос о причинах публикации данного источника современниками, которая пока выражена общей фразой: «Практические интересы разных слоев русского общества XVIII в. нашли свое отражение в издании ряда описаний»²⁴.

Явно недооценен потенциал идеи, высказанной А. В. Эммаусским на примере описаний Вятской губернии. В этой губернии было составлено три описания (за 1781, 1784, 1796 гг.), что позволяет в динамике исследовать экономическое развитие края²⁵. Идея последовательного сравнения данных по нескольким топографическим описаниям в рамках одной губернии была наглядно продемонстрирована в работе А. Б. Дитмара на примере изменения численности населения Ярославской губернии²⁶.

Некоторые мысли в историографии не высказаны, но развитие исторической науки не стоит на месте. Очевидно, что популярная ныне тема «памяти» и «мест памяти» может быть с большим успехом реализована при изуче-

нии топографических описаний, поскольку в них есть блок, связанный с описанием городов, достопримечательностей и наиболее «важных» мест губернии. Значительный потенциал для восстановления облика уездных и губернских городов с помощью современных технологий представляет подробное описание городской топонимики, отдельных зданий, планов в целом. Данная информация в описаниях иногда сопровождается иллюстрациями, что облегчает задачу.

Таким образом, анализ историографической традиции показывает, что аналитические работы по топографическим описаниям в основном по-прежнему представлены лишь статьями, о чем с сожалением писал десять лет назад Сергеев. «Большинство описаний наместничеств и губерний остались в рукописях и объектом изучения в качестве источника историографического до сих пор не были»²⁷.

Использование этого источника носит иллюстративный характер²⁸, что, на наш взгляд, отражает определенную настороженность в отношении многочисленных и разнообразных сведений, приведенных в описаниях. Из всего многообразия имеющейся там информации используются активно только сведения по аграрной истории.

Опасение вызывает закольцованность проблем, которые ставят и с той или иной долей успешности решают историки. Например, к вопросу о времени составления описаний Пензенского наместничества возвращаются снова и снова: М. С. Полубояров²⁹, а до него Н. О. Шкердина³⁰, хотя ранее И. А. Булыгин³¹ достаточно убедительно их датировал. При этом Шкердина знает о работе Полубоярова: «Текст “Топографического описания Пензенского наместничества” содержится в РГВИА, фонд 846 опись 1, дела 18911, 18912. Копии этих дел были сняты в 1957 и в 1964 г. начальником ГАПО Е. Г. Самойловым, затем в 1980-х гг. с текстом работал В. С. Годин, в 2000-х гг. работал М. Полубояров». Но о том, что предпринята публикация документа, в своей работе Шкердина не пишет.

Особую проблему представляет введение данного источника в научный оборот. Здесь можно выделить три направления: архивные изыскания, направленные на выявление топографических описаний (как опубликованных, так и неопубликованных), публикация источника, составление аннотированного каталога топографических описаний.

На данный момент первую задачу можно считать в значительной степени решенной. Сводная таблица описаний регионов Европейской России, атласов, неопубликованных и опубликованных, составлена Н. Л. Рубинштейном³² и позднее расширена и уточнена В. М. Кабузаном³³. Об опубликованных топографических описаниях также есть небольшая статья³⁴. Хотя тот факт, что большая часть топографических описаний хранится в РГВИА и микрофильмирована, усложняет работу с этим источником чисто технически.

Судя по работе Г. Р. Якушкина, работа по публикации этого источника шла в стенах указанного архива, но идет ли она сейчас, неясно.

Задача по составлению аннотированного каталога видится чрезвычайно важной. Несмотря на кажущееся единообразие источника, описания разных губерний (наместничеств) значительно варьируются и для постановки как масштабной, так и локальной исследовательской задачи очень полезно иметь справочник, который помогал бы ориентироваться в созданном информационном потоке. Не говоря уже о том, что в рамках решения этой задачи были бы уточнены многие другие вопросы.

Основная задача данной работы состоит в том, чтобы вновь вернуться к этому источнику и поставить вопрос о том, можно ли его отнести к источнику по исторической статистике (в первую очередь — камеральную часть описаний). «Статистика — это система сбора сведений для обеспечения обратной связи в системах управления разного уровня и выработки управленческих решений»³⁵. В данном случае фраза «обеспечение обратной связи» является ключевой для дальнейшего хода наших рассуждений.

Как мы видели в историографическом обзоре, вопросы о том, как этот источник циркулировал в местной провинциальной среде ставился не часто, да и то, лишь с точки зрения развития исторической мысли. Но как эти документы использовались, если использовались, в рамках принятия управленческих решений на местном, губернском, или центральном уровне абсолютно не ясно. Исследователи, например, Дитмар, подробно изучали причины составления различных экземпляров, отмечая, в частности, связь административной реформы и карт топографических описаний³⁶, но это ничуть не приближает нас к ответу на вопрос, насколько камеральная часть была востребована современниками. В этой связи стоило поднять вопрос о связи описаний и местного делопроизводства, использовались ли описания для составления отчетов.

В рамках настоящей статьи предполагается коснуться двух вопросов:

- кабинетная анкета 1783 г. и связь с местным делопроизводством;
- составители описания и функционирование описания в местной провинциальной среде.

Вопросы происхождения источника требуют уточнения. Не претендуя на полноту исследования, остановимся только на непосредственном указании на создание описаний, которое, представляется очень важным. Предположение Н. Л. Рубинштейна о том, что «несомненно, мы имеем дело со специальной анкетой, выработанной для составления топографических описаний», абсолютно верное. В топографическом описании Симбирской губернии на это встречается прямое указание. «Правивший должность Симбирскаго и Уфимскаго наместничества господин генерал порутчик и кавалер Иван Варфоломеевич Якоби вруча мне прошлого 1782 года марта 6 дня запросные пункты, данные ему от кабинета его императорскаго величества, о сочинении

топографического описания о губернии здешней, и того ж месяца 7 числа предложил наместническому правлению о чинении мне всякого вспоможения по сей комиссии»³⁷. Уже в марте 1782 г. «запросные листы» вручались на местах, следовательно, они были составлены в самом начале 1782 г. или даже в 1781 г.³⁸ Н. Л. Рубинштейн установил тесную связь между созданием военно-топографических описаний и атласов губернии³⁹, отнеся составление обоих к 1783 г.. Но, судя по всему, топографические описания стали составляться раньше и атласы уже были вторым этапом в этом процессе.

Более того, возможно, в этом процессе был и третий этап, относящийся в случае с Симбирском к 1784 г. По словам Т. Г. Масленицкого — составителя симбирского топографического описания — первоначальный план описания был уточнен «сверху» уже в процессе работы. Об этом говорится в письме генерал-майора и Кабинета е. и. в. секретаря Петра Александровича Соймонова от 22 марта 1784 г. Какие именно были внесены изменения не ясно, но переписка о топографических описаниях шла и в случае ее обнаружения можно будет уточнить цели правительства по составлению рассматриваемых документов.

Анкета 1781–1782 гг. появилась раньше указа о составлении атласов и уточнялась в процессе составления топографических описаний. Интересно было бы понять — для каждой губернии это были свои вопросы или нет. Это поможет ответить на вопрос, насколько правительство было заинтересовано в уточнении специфически местной информации.

Представляется очень важным проследить связь топографических описаний с делопроизводством. Это поможет, с одной стороны, понять востребованность топографических описаний современниками, а с другой, оценить достоверность сведений, особенно по камеральной части.

На наш взгляд, существует определенная связь между составлением топографических описаний и указом от 27 сентября 1784 г. «О составлении общего положения к скорейшему производству дел»⁴⁰. Сам указ достаточно лаконичен, но его проведение в жизнь, отраженное в делопроизводственной практике Олонецкого наместничества, свидетельствует, что это был важный этап в делопроизводственном оформлении деятельности новых административных единиц⁴¹.

Правящий должность олонеккого и архангельского генерал-губернатора, генерал-поручик и кавалер Т. И. Тутолмин предложил местному правлению определенный порядок хранения канцелярских дел. Обратим внимание только на несколько моментов. Во втором пункте было прямо указано, что в наместническом правлении должен храниться атлас губернии. При этом он должен был сопровождаться тремя формами алфавитов (имений, владельцев).

В третьем пункте указывалось, что «при сем губернском атласе иметь историческое о древнем происхождении обитающего в наместничестве наро-

да описание, сколько с достоверностию заимствовать возможно о том сведений из российских летописей, и особое топографическое описание, сочиненное с наилучшею верностию по запросам, приобщенным при обряде под № 5».

Содержательно в этой инструкции можно проследить прямую связь между теми вопросами, на которые необходимо было отвечать в военно-топографических описаниях, и теми документами, которые должны храниться в канцелярии по особым формам с определенными номерами.

Например, под пятым пунктом инструкции олонекской канцелярии значилось, что в правлении должна храниться «ведомость по форме под № 7 о фабриках и заводах в уездах имеющихся со объяснением откол получают на оные материалы и другие вещи; своими или наемными мастеровыми производится работа, какое употребляется число людей на всякой фабрике, и какой капитал с оборота». А далее при описании бумаг, которые должны содержать информацию о городах, также сообщается, что должна быть отдельная ведомость о фабриках. «Подробные ведомости и генеральную табель о торге и промысле градских жителей по форме под № 9 со означением капитала, обращающегося в торге, на фабриках, и мастеровых, и со объяснением, чем и куда производится торг, какая фабрики в лучшем состоянии, и каким мастерством или промыслом граждане более питаются, особенно же о фабриках и цеховых в городах находящихся, иметь ведомость по форме № 10 и 11».

Эта информация о фабриках приводится во всех просмотренных мною топографических описаниях. Причем она также дробится на уездную и городскую. При описании уезда под номером 13 отвечали на вопрос: «сколько каких заводов, фабрик и мельниц пильных и мучных»⁴². В описании городов под номером 15 значилось: «фабрики и заводы, кому принадлежат, сколь велики. Откуда потребные к тому материалы получают. Куда сделанные вещи отвозят и как велико число мастеровых людей»⁴³. Информация по торгам градских жителей должна была вноситься в топографическое описание под номерами 13 и 14.

Данная инструкция хорошо демонстрирует практическую направленность топографических описаний и атласов, создававшихся в это время. Было определено где это должно храниться, что уже немало. В данном случае мы можем с высокой степени вероятности утверждать, что атласы и топографические описания включались в комплекс делопроизводственных документов канцелярий. И это усиливает тезис Н. Л. Рубинштейна о востребованности этих источников современниками, в частности, чиновниками.

Но проблема состоит в том, что на самом деле не совсем ясно взаимовлияние местных делопроизводственных документов и топографических описаний. Логично было бы предположить, что сначала создавались местные ведомости, отражавшие заводы, бани, мельницы и т. д., которые потом, с одной стороны, включались в топографические описания, а, с другой, направлялись в соответствующие центральные органы.

Вопрос о составителях описаний важно решить для определения достоверности собираемых данных. Один из наиболее полных списков составителей приведен в топографическом описании по Симбирску. В предуведомлении составителя, надворного советника Тимофея Масленицкого, очень подробно расписано, кто и как участвовал в работе⁴⁴.

Во-первых, одними из составителей действительно были губернские и уездные землемеры. Они были обязаны:

- определить «длину и ширину губернии», произвести «снятие знатных дорог», составить карты «в аглинском дюуме 14 верст с показанием на них границ прикосновенных губерний и разделения уездов, означа на ней положение городов, рек, озер и дорог с генеральной губернской карты»;

- совместно с сочинителем «наложить на те карты озера, реки, остатки древностей, примечание заслуживающие селы, деревни и слободы, почтовые станции, фабрики, заводы, мельницы, мосты, перевозки, знатные леса и болота, степи, и горы; употребляя к тому знаки, изъясненные в российском атласе», при этом сведения должны были быть получены от капитан-исправников;

- выполнить вычисление «плоскости» в квадратных верстах всего наместничества и каждой округи особо, и отправить полученные карты в Императорскую академию наук, к генерал-губернатору и в правление;

- сочинить планы городов (один экземпляр следовало выслать при топографическом описании к генерал-губернатору, а другой — в правление).

Во-вторых, наместническое правление должно было предоставить общие сведения о наместничестве: о времени его возникновения, об административных изменениях и т. д.

В-третьих, казенная палата предоставляла сведения о численности разных групп населения, о народах, об окладных и неокладных доходах, о солеварении в целом.

В-четвертых, «капитан исправникам велено доставить обстоятельное сведение против запросных 25 пунктов Кабинета е. и. в. и Академии наук все подлежащее до описания уездов, а о селениях, как оныя описывать, дана им форма».

В-пятых, городовые магистраты, коменданты и городничие должны были предоставить все сведения, необходимые для описания городов.

В-шестых, местные жители предоставляли имеющуюся у них информацию по истории как губернии в целом, так и отдельных мест. По Симбирску, в частности, сведения были получены от купца Ивана Федоровича Малинькова, от помещика Федора Ивановича Дурова, от артиллерии генерал-майора и симбирского наместничества правителя князя Петра Михайловича Баратаева, от полковника и бывшего симбирского наместничества вице-губернатора Ильи Васильевича Колтовского, от уездного землемера Капитона Сергеевича Мильковича, от секретаря провинциальной канцелярии Ивана Гавриловича Попова.

Важно, что состав местных жителей, которые откликнулись на предложение, был достаточно разношерстным. Это также усиливает тезис Н. Л. Рубинштейна о том, что составление военно-топографических описаний было делом общероссийского масштаба. И такое вовлечение населения может частично объяснить, почему об этом проекте знали уже его современники и впоследствии использовали описания для решения хозяйственных вопросов. Об этом писал Н. Л. Рубинштейн, когда приводил примеры создания переписных дубликатов в архивах Куракина и П. А. Соймонова⁴⁵. И это вступает в противоречие с выводом В. А. Сергеева, что данный источник был документом внутреннего использования чиновников.

Очень интересно заключение Тимофея Масленицкого о своей работе. «В заключении сказать приемлю смелость, что желалось мне видеть сочинение сие в лутшем слогe и исправности, но должность, порученная мне в винной и соляной экспедиции советника, не оставляет времени соображать подробности при понудительном с меня сего описания взыскании»⁴⁶. Оно в определенной степени демонстрирует кухню составления топографических описаний, но вопросы о том, кто, как и в каких условиях составлял топографические описания остаются открытыми.

Важно, что широкий круг составителей описания (почти все чиновники губернии в той или иной степени были задействованы в работе над ним, не считая дворян и купечество, к которым обращались за информацией⁴⁷) демонстрирует, что этот источник мог быть составлен с максимальным качеством в достаточно короткие сроки⁴⁸. И точка зрения А. В. Эммаусского о невысоком качестве описаний только потому, что их составляли чиновники, перекликаясь с позицией Н. Л. Рубинштейна, скорее является дискурсивной, характерной для оценки бюрократии этого периода в целом, нежели отражает реальное состояние собираемых сведений.

Создание топографических описаний — общероссийское явление. И здесь важно понимать, что изучение этого источника лежит в трех плоскостях.

Во-первых, сам источник и его достоверность как основы для социально-экономических и географических (климатических) исследований.

Во-вторых, это взаимоотношение власти и общества в процессе составления топографических описаний, цели, которые видело государство с точки зрения анализа состояния Российской империи, определение того, как чиновники и наиболее «активная» часть «общества» готовы были поддержать желания правительства, что позволяет, в частности, оценить сроки подготовки и качество описаний.

В-третьих, это судьба описаний, как они использовались в делопроизводственной практике, в расчетах правительства относительно своих предполагаемых доходов, особенно по косвенному налогообложению, как топографические описания использовались в частных целях. И принципиальный вопрос: насколько были востребованы экономические знания в конце XVIII века.

Примечания

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

¹ Требуется определенный комментарий, связанный с самим термином «топографические описания». На наш взгляд, этот термин собирательный, он включает как собственно топографические описания, так и историко-статистические, географические описания. На данный момент список топографических описаний (в т. ч. и указанных видов) составлен так, что точное название каждого описания не ясно. В работах Н. Л. Рубинштейна и В. М. Кабузана, наиболее полных на сегодняшний день, перечисление описаний представлено в форме таблицы, в которой есть указание на регион, год, архивное дело. В статье мы будем использовать термин «топографические описания», понимая при этом, что речь идет о более сложном комплексе источников.

² Сергеев В. А. Топографические описания Рязанско-Тульского-Калужского региона во второй половине XVIII — начале XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2003.

³ Андреев А. И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783–1794 гг. и работы, связанные с ними // Вопросы географии. Сб. 17. М., 1950; Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятники географического и экономического изучения России // Там же. Сб. 31. М., 1953; Эммаусский А. В. Топографические и исторические описания Вятского наместничества в 80-90-х годах XVIII в. // Проблемы источниковедения. Вып. 7. М., 1959; Сивков К. В. Источники по истории сельского хозяйства Европейской России во второй половине XVIII века // Там же. Вып. 8. М., 1959; Кабузан В. М. Некоторые материалы для изучения исторической географии России XVIII — начала XIX в. (по фондам центральных государственных архивов и библиотек Москвы и Ленинграда) // Там же. Вып. 11. М., 1963; Дитмар А. Б. О «топографических описаниях» Ярославского края конца XVIII века // Краеведческий сборник. Ярославль, 1968. С. 129–141. (Ученые записки Ярославского педагогического ин-та; Вып. 71).

⁴ Например: Ананьева Т. Б. «Топографическое описание Воронежскому наместничеству» 1785 г.: Общ. характеристика док. и проблема авторства // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). Воронеж, 1981. С. 108–117; Серeda Н. В. К истории создания топографического описания Тверского наместничества в 70-80-х годах XVIII в. // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 72–79; Выходков Л. В. Историко-краеведческие работы Федора Туманского («Топографические описания» Петербурга и губернии конца XVIII в.) // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков. Ярославль, 1992. С. 163–177.

⁵ Колесникова М. Е. Краеведческие и топографические описания как историографический источник // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. Вып. 72. С. 16–25; Шкердина Н. О. Изучение топографических описаний Казанского, Пензенского и Симбирского наместничеств Российской империи 1780-х гг. как исторических источников по истории Среднего Поволжья [Электронный ресурс] // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории Нового и Новейшего времени: Сб. тез. докл. участников конф. молодых ученых и специалистов «Clio-2012». М., 2012 // Российский государственный архив социально-политической истории: [сайт]. М., 2012. URL: <http://www.rgaspri.com/nauka/konf/klio2012/tezis2> (17.04.2015).

⁶ *Борисенко М.* Природно-географічна характеристика Лівобережної України в описах Київського намісництва 70–80-х років XVIII ст. // *Волинські історичні записки.* 2011. Т. 6. С. 22–28.

⁷ *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания... С. 59.

⁸ *Севастьянова А. А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII в.: Учеб. пособие по спецкурсу. Ярославль, 1988. С. 29.

⁹ *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания... С. 62.

¹⁰ Например, в классическом труде Л. В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 2001).

¹¹ *Чекурин Л. В.* Историческое краеведение: Историография и источниковедение: Учеб. пособие для студентов специальности «Музееведение и охрана памятников истории и культуры» библиотеч. и культ.-просвет. фак. ин-тов культуры. М., 1991. С. 52.

¹² *Севастьянова А. А.* Русская провинциальная историография... С. 37–38.

¹³ *Колесникова М. Е.* Краеведческие и топографические описания... — Эта работа посвящена более позднему периоду, но есть указание на традицию составления топографических описаний второй половины XVIII в.

¹⁴ *Шкердина Н. О.* Изучение топографических описаний...

¹⁵ *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания... С. 65.

¹⁶ *Эммаусский А. В.* Топографические и исторические описания... С. 214.

¹⁷ Так, одним из составителей «Исторического, топографического и физического описания Кавказа» выступил архитектор Александр Дигби (НИОР РГБ. Ф. 205 (ОИДР). Д. 152).

¹⁸ *Миров Л. В.* Экономико-географические и статистические описания // *Источниковедение истории СССР: Учебник для ист. спец. ун-тов и пед. ин-тов* / Под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981. С. 210.

¹⁹ «Часто составленные местными людьми, в частности, местными чиновниками, они лишены той документированности, конкретности и, прежде всего, того богатого цифрового материала, который в указанной группе топографических описаний обеспечен условиями их составления» (*Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания... С. 65).

²⁰ *Эммаусский А. В.* Топографические и исторические описания... С. 213.

²¹ См.: *Сивков К. В.* Источники...

²² *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания... С. 68.

²³ *Сергеев В. А.* Топографические описания...

²⁴ *Якушкин Г. Р.* Обзор публикаций топографических описаний наместничеств и губерний России последней четверти XVIII в. и современные принципы подготовки их к изданию // *Издание исторических документов в СССР: (Вопр. истории, теории и методики): Сб. науч. тр.* М., 1989. С. 115.

²⁵ *Эммаусский А. В.* Топографические и исторические описания... С. 215.

²⁶ *Дитмар А. Б.* О «топографических описаниях»... С. 139.

²⁷ *Чекурин Л. В.* Историческое краеведение. С. 39.

²⁸ *Якушкин Г. Р.* Обзор публикаций... С. 115.

²⁹ Топографическое описание Пензенского наместничества / Под ред. М. С. Полубоярова. 2011. URL: http://suslony.ru/hist_librs/Penz_namest_opis.htm (07.04.2015); Краткое топографическое описание Пензенской губернии / Под ред. М. С. Полубоярова. 2011. URL: http://suslony.ru/hist_librs/Penz_gub_kratko.htm (07.04.2015).

³⁰ *Шкердина Н. О.* Изучение топографических описаний... — У этого автора есть еще одна статья (*Шкердина Н. О.* Топографические описания провинциальных намест-

ничеств Российской империи 1780-х гг. как источник по истории народов Среднего Поволжья // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4), но в ней нет ссылок ни на Рубинштейна, ни на Кабузана, ни на Булыгина.

³¹ Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России: Вторая половина XVIII в. (по материалам Пенз. губ.). М., 1966.

³² «К сожалению, в тексте статьи и особенно во втором приложении много неточностей в ссылках на архивные номера описаний; кроме того не учтены описания, имеющиеся в Отделе рукописей ГПБ» (Сивков К. В. Источники... С. 166).

³³ Кабузан В. М. Некоторые материалы... С. 175–182.

³⁴ Подробно см.: Якушкин Г. Р. Обзор публикаций... С. 113–129.

³⁵ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники рос. истории: Учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2000. С. 428.

³⁶ Дитмар А. Б. О «топографических описаниях»... С. 135.

³⁷ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Д. 19026. Л. 2. — Н. Л. Рубинштейн правильно предположил, что в опубликованном тексте топографического описания содержится ошибка и речь идет не о 1787-м годе. Выдержки из этого топографического описания также приведены в работе К. В. Сивкова (Сивков К. В. Источники... С. 169–170).

³⁸ В архиве эти материалы пока не найдены.

³⁹ По указу от 15 марта 1783 г. (ПСЗ. Собр. 1. Т. 21. № 15 688) должны были создаваться генеральные атласы губерний с особыми картами по единому плану.

⁴⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 22. № 16 074.

⁴¹ РГАДА. Ф. 16. Д. 804.

⁴² Рубинштейн Н. Л. Топографические описания... С. 62.

⁴³ Там же. С. 61.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Д. 19 026.

⁴⁵ Рубинштейн Н. Л. Топографические описания... С. 69.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Д. 19 026. Л. 6–6 об.

⁴⁷ «Комендантам, городничим, нижним земским судам и почт камисарам предписано, чтобы коменданты с городничими в городе живущему дворянству, купечеству и духовенству, а нижняя земская суды дворянству объявили, дабы имеющие у себя местные летописцы, или вероятные манускрипты, или списки исторические и географические, касающиеся до описания страны здешней городов и народов, доставляли прямо ко мне на учрежденных почтах, с обнадеживанием таким, что списки те по выбору из них надлежащей материи и по снятии копии обратно к ним возвращены будут с благодарностью, и те, кои постараются при сем случае за неимением письменных известий распросить у старожил мордовских и чувашских, не помнят ли они по изустным преданиям предков азычского их богослужения и обрядов при рождении, браках, погребении и протчих, и когда какой из оных народов восприял крещение, и описав обстоятельно доставляли бы ко мне на учрежденных почтах» (Там же. Л. 4).

⁴⁹ Так же быстро в течение года было составлено тульское топографическое описание (см.: Ромашин Е. И. Делопроизводственные источники «Топографического описания Тульской губернии» Ф. Г. Дильтея // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 270).